

— Князь, вы... не хотите зайти внутрь? — Не хотите зайти в тюрьму и посмотреть? Вы совсем не беспокоитесь, что я мог сделать что-то жестокое с Мин И и Сюэ Мэнъяо?

Услышав это, Мин Янь решительно покачал головой, после чего поднял ногу и вышвырнул пустую чашку за пределы резиденции князя Чэна.

— Нет, я верю, что Жун знает меру. Я также понимаю, как много для тебя значит этот маленький слуга. После того, что произошло, даже если бы ты не решил отомстить, я бы сам взялся за это. Я стоял у двери только потому, что беспокоился о тебе. В конце концов, это две бешеные собаки, и если они решат напасть, это может быть опасно.

Услышав это, Е Цзинжун наконец расслабился. В то же время в его сердце появилось чувство вины. Он не должен был сомневаться в князе. Каждое его действие было направлено на то, чтобы успокоить его, но он всё никак не мог отпустить старые обиды.

— Князь, простите, это была моя ошибка! — Е Цзинжун с виной в голосе извинился. Но реакция Мин Яня на эти слова заставила его снова напрячься.

— Хм, извинения можно отложить. Уверен, что позже у тебя будет возможность их произнести.

Что... что это значит? Он не сердится из-за того, что я самовольно проник в тюрьму? Или из-за того, что я набросился на него без причины? Так почему же он злится?

Е Цзинжун был в замешательстве, но не мог прямо спросить. Его брови слегка нахмурились, он долго молчал, а затем вдруг, словно что-то вспомнив, поднёс руку ко лбу, изображая головную боль.

Кажется... он понял, почему князь снова рассердился.

Как и ожидалось, Мин Янь повёл его не в павильон Жунцзюнь и не туда, где лечили Сяо Ецзы, а в боковой двор.

Е Цзинжун вдруг начал сопротивляться, пытаясь вырвать руку из захвата Мин Яня, стиснув зубы и изо всех сил стараясь не поддаваться его силе.

— Нет, я не хочу туда идти, отпусти меня!

Но Мин Янь, услышав это, лишь ужесточил выражение лица и сжал запястье Е Цзинжуна ещё сильнее. Он громко фыркнул и резко произнёс:

— Это не тебе решать. Иди за мной!

Между полунасильственным тасканием и сопротивлением Мин Янь привёл Е Цзинжуна в боковой двор, после чего одной рукой зафиксировал его руки, а другой прижал его к слегка обветшалой стене.

— Говори, ты знал, что выход из резиденции будет опасен? Ты догадывался, что семья Сюэ сговорится с Мин И? Не зря ты с утра торопился выпроводить меня из резиденции. А слуги семьи Сюэ смогли точно найти меня на тренировочном поле и передать сообщение. Сколько ты планировал? Думал, я дурак? — Поскольку это был допрос, выражение лица Мин Яня было не самым приятным, а тон — грубым.

Честно говоря, Мин Янь был в ярости. Если вначале у него ещё были сомнения, то после

допроса Мин И в тюрьме всё стало ясно.

Если бы Е Цзинжун был одним из его генералов и действовал самовольно, Мин Янь бы не пощадил его. Но это был Е Цзинжун, с его хрупким телом. Даже одного удара хватило бы, чтобы его сломать. Да и если бы он был сильнее, разве Мин Янь смог бы его ударить?

А Е Цзинжун, услышав это, лишь опустил глаза и молчал, словно он был немым.

Но он не успел придумать оправдание, как князь всё выяснил. Единственное, что оставалось, — это упорно отрицать, иначе ему не поздоровится.

Это была его ошибка. Он был слишком самоуверен, из-за чего всё пошло не так. Сяо Ецзы теперь лежит без сознания, а князь получил над ним власть. Если бы он всё сделал идеально, даже если бы князь узнал, он бы лишь разозлился, но не смог бы ничего сказать.

Когда Е Цзинжун слегка отвернулся, демонстрируя полное неповиновение, гнев на лице Мин Яня усилился, а глаза загорелись яростью. Он стиснул зубы и снова пригрозил:

— Не признаёшься? Думаешь, я не смогу найти доказательства? Ты действовал втайне от меня, использовал себя как приманку, чтобы поймать большую рыбу, да? А что, если, я говорю, что если бы я опоздал, что бы ты делал?

Услышав это, Е Цзинжун наконец отреагировал. Но его короткий ответ чуть не довёл Мин Яня до инфаркта.

Он лишь слегка дрогнул длинными ресницами и спокойно произнёс:

— Князь не опоздает. Даже если я ошибся во всех остальных расчётах, в этом я уверен.

Эти слова заставили сердце Мин Яня дрогнуть. Его Жун не говорил громких слов о любви, но взгляд, полный доверия, всегда радовал его.

Так что же теперь делать? Радоваться или продолжать злиться? Это поставило Мин Яня в тупик.

— Не говори мне красивых слов. Испугался, да? Хочешь задобрить меня, да? Говорю тебе, не пытайся хитрить! — Тон Мин Яня всё ещё был суров, но в нём уже чувствовалась некоторая мягкость.

— Если князь всё знает, зачем спрашивать? Как вы хотите наказать меня? Я сделаю всё, что скажете. — Видя, что Мин Янь не поддаётся, Е Цзинжун снова стал высокомерным.

Его равнодушный тон явно показывал, что он не боится. Е Цзинжун хорошо знал, что его князь, внушающий страх врагам, перед ним был всего лишь бумажным тигром. Он мог лишь порычать и напугать, но если не задевать его самолюбие, можно было выйти сухим из воды.

— Наказать? Ты уверен, что я не посмею тебя тронуть? Ты понимаешь, насколько это было опасно? Ты знаешь, как я испугался, когда узнал, что произошло? Жун, ты моя слабость. Мне не нужно, чтобы ты рисковал ради меня. Просто позаботься о себе, понял? — Когда Мин Янь начал говорить, в его голосе ещё звучала злость, но к концу он стал почти беспомощным.

Услышав это, Е Цзинжун смягчился. Он повернул голову, принял серьёзное выражение лица и торжественно произнёс:

— Князь, я тоже мужчина. Я могу защитить себя, а в случае необходимости могу даже стать вашей опорой, помочь вам нести бремя. На этот раз я переоценил свои силы, я исправлюсь. Но я надеюсь, что в будущем вы будете больше доверять мне. Я скрывал это от вас не из-за обмана, а чтобы доказать свою ценность.

Эти слова Е Цзинжуна были искренними. Это было его истинное желание, и он надеялся, что Мин Янь поймёт его.

Мин Янь, услышав это, на мгновение замер. После долгой внутренней борьбы он наконец успокоился.

Жун был его женой, это правда. Как муж, он должен был заботиться о нём. Но иногда он забывал, что перед словом «жена» стоит слово «мужчина». В конце концов, Жун был мужчиной, который, если бы не встретил его, мог бы стать великим правителем, вдохновляющим народ.

— Хорошо, это я был глуп. Я согласен с тобой. Но в будущем, прежде чем что-то делать, ты будешь советоваться со мной, да? — В конце концов Мин Янь сдался. Он понимал, что любовь — это взаимопонимание, а не одностороннее подавление и терпение.

Мин Янь признал, что он слишком властен. Ему следовало измениться, хотя бы немного. Но, подумав, он решил — нет, не изменюсь, ни за что.

Это было в нём с рождения, в самой его сути. Как говорится, тело и душа даны родителями, и если он попытается изменить это, то окажется неблагодарным сыном.

<http://bllate.org/book/16632/1523801>